



УДК 821.161.109-3+929 [Достоевский+Набоков]

КОШМАРЫ СВИДРИГАЙЛОВА И АД ГЕРОЯ В. НАБОКОВА (о трансформации одного сюжета)

С. Н. Коневец

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: svkonev@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению не прямых сюжетных отсылок, явным и скрытым обращениям В. Набокова к теме, родственной страшным героям Достоевского, к новым воплощениям образов Пушкина и Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, Набоков, Пушкин, русалка, сюжетное сближение, тема ада.

Svidrigailov's Nightmares and the Inferno of V. Nabokov's Hero (on the Transformation of One Plot)

S. N. Konevets

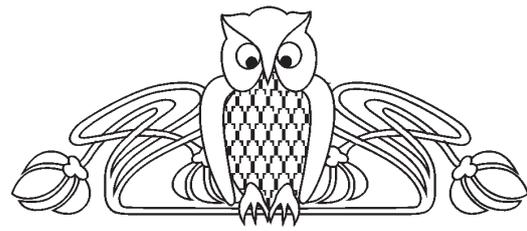
The article considers indirect plot allusions, V. Nabokov's explicit and disguised references to the topic related to the terrible characters of Dostoyevsky, to the new embodiments of Pushkin's and Dostoyevsky's images.

Key words: Dostoyevsky, Nabokov, Pushkin, mermaid, plot approximation, inferno theme.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-188-190

Федор Годунов-Чердынцев, наиболее близкий В. Набокову герой, в романе «Дар» обозначает самые дорогие для себя традиции в русской литературе именами Пушкина, Гоголя, Толстого, Тютчева. В том же романе мы найдем не одно упоминание о Достоевском, свидетельствующее о неприятии творчества автора «Преступления и наказания», «Бесов», «Братьев Карамазовых». Так, ведя вымышленный разговор с Кончеевым, Годунов-Чердынцев спрашивает, как его собеседнику нравится «обратное превращение Бедлама в Вифлеем». Однако об истинном отношении Набокова к Достоевскому свидетельствуют не формулы, подобные приведенной, сугубо субъективные и предвзятые, а многочисленные сюжеты, темы, образы набоковской прозы и поэзии, несущие на себе отпечаток неослабевающего внимания к творчеству русского пророка.

Анна Ахматова, назвавшая в одном из стихотворений свою родину «Россией Достоевского», имела в виду не только страну определенной эпохи, но Россию, отмеченную неизгладимым влиянием творчества «великого каторжанина». Набоков состоялся как писатель в том мире, где уже прозвучало слово Достоевского, обозначившее новый уровень постижения человеческой природы, с таинственным противоборством в ней добра и зла, слово, предсказавшее грядущие мировые катастрофы.



Среди того, что сближает Набокова с Достоевским, на особом месте – Петербург, по-особому пережитый обоими писателями. Для одного это самый «умышленный», фантастический город (место, где «беда летает, как летучая мышь»), для другого – невозвратно ушедшая Атлантида (хранящая на парاپете набережной отпечаток пушкинского локтя). Имена Пушкина и Гоголя, бесконечно дорогие для Набокова, во многом определяют литературную вселенную Достоевского, где по-новому воплощаются сюжетные положения, типы, характеры, открытые предшественниками. К Набокову многие из очень важных для него сюжетов и образов шли от Пушкина или Гоголя через освещенное трагическим светом творчество Достоевского.

В этом отношении интересно посмотреть, как трансформируется в стихотворении Набокова «Лилит» сюжет о русалке-утопленнице – один из вечных литературных сюжетов, принявший у Пушкина форму неоконченной поэмы «Русалка», а у Гоголя – повести «Майская ночь, или Утопленница». История о загубившей себя юной душе сюжетно отзывается в зловещих слухах, окружающих одного из героев романа Достоевского «Преступление и наказание» – Аркадия Ивановича Свидригайлова, и в его бредовых видениях накануне самоубийства.

Интерес Набокова к пушкинской «Русалке» подтверждается тем, что он пишет заключительную сцену к ней. Маленькая русалочка встречается на берегу Днепра тоскующего князя – своего отца, говорит ему, что с тех пор, как он оставил мать русалочки, он сам мертв, и увлекает его в подводное царство:

На темном дне отчизну ты узнаешь,
Где жизнь течет, души не утруждая.
Ты этого хотел. Дай руку¹.

На днепровском дне князь навсегда затихает в объятиях Царицы-Русалки. Свой опыт дописывания пушкинской поэмы Набоков делает объектом самоиронии: он завершает свой текст репликой: «Пушкин пожимает плечами»².

В гораздо большей степени об устойчивом интересе Набокова к сюжету о русалке-утопленнице свидетельствуют многие повороты повествования в «Лолите», «Камере обскура», «Даре». Где-то этот сюжет напоминает о себе в самых значимых подробностях набоковского текста, а где-то, как в «Даре», превращается в набросок вставной истории. Так, во время своих лесных странствий Годунов-Чердынцев видит недалеко



от берега озера нимфу, принявшую вид бедной немецкой девочки, которая загорает с закрытыми глазами и не знает, что на нее жадно смотрят два молодых человека и один пожилой, грустный, терпеливый, вечный.

Стихотворение «Лилит» принадлежит к тем воплощениям истории об утопленнице-русалке, которые отмечены родством с миром Достоевского. Эта не прямо обозначенная близость выявляется при параллельном прочтении – анализе поэтического текста Набокова и «свидригайловских» страниц романа «Преступление и наказание».

Аркадий Иванович Свидригайлов окружен в романе темным облаком слухов. Их содержание, при всей зыбкости, позволяет судить о том, что этот человек – виновник нескольких смертей. Самый чудовищный из неоднократно повторяющихся слухов связан с самоубийством девочки-прислужницы, подвергшейся насилию со стороны Свидригайлова. В первоначальной версии, которую в «Преступлении и наказании» сообщает Лужин, загнанная, забитая девочка, страшно оскорбленная Свидригайловым, повесилась. Наряду с этим объяснением существует в романе и другое, представляющее гибель ребенка как судьбу утопленницы.

В предсмертных кошмарах Свидригайлова, решившегося на самоубийство, коротающего свою последнюю ночь в дрянной гостинице «Адрианополи», которая тонет в проливном дожде, является загородный коттедж в английском вкусе. Это поистине райский образ: масса света, цветов, волнующиеся белые занавески, Троицын день. Но в самой сердцевине этого отрадного мира – гроб с телом девочки-утопленницы: «... а посреди залы, на покрытых белыми атласными пеленами столах, стоял гроб... Эта девочка была самоубийца-утопленница. Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя»³.

К юной самоубийце автор относится с состраданием, но адским холодом веет от жуткой кончины ребенка. Эта одна из картин, которые предсказывают у Набокова сквозной мотив взаимопроникновения, взаимопревращения ада ирая. Стихотворение «Лилит», начатое с радостной, хотя и зыбкой надежды лирического героя («Добро, я, кажется, в раю»), завершается безнадежным: «... и понял вдруг, что я в аду»⁴.

Стихия воды, без которой трудно представить сюжет об утопленнице, буквально переливается через край в последних сценах со Свидригайловым. Вымокший до нитки герой, звуки пушечных выстрелов, предупреждающие о том, что началось наводнение; мир, пропитанный избыточной сыростью.

Хотя в первом сне-кошмаре Свидригайлова о девочке-утопленнице упоминаются лишь ее мокрые волосы, однако на самом деле тема воды скрытым образом присутствует и здесь. Троицын день, в который происходит действие сна, в на-

родном представлении – «самый мокрый праздник». В «Лете Господнем» Ивана Шмелева один из героев именно так говорит о Троице: «... все на воду рвутся, веночки эти запущают, по старой моде, с березками катаются»⁵.

В набоковском стихотворении «Лилит» с первых строк мы попадаем в атмосферу сухости и жары: «... яворы и ставни горячий теребил эол вдоль пыльной улицы». Но сама Лилит несёт на себе русалочий знак: «... девочка нагая с речною лилией в кудрях». В следующей строфе автор обозначает главный источник своего лирического сюжета – пушкинскую «Русалку:

...и вспомнил я
весну земного бытия,
когда из-за ольхи прибрежной
я близко-близко видеть мог,
как дочка мельника меньшая
шла из воды, вся золотая,
с бородкой мокрой между ног⁶.

Но у Набокова героиня – это не столько жертва чьих-то страстей или трагических обстоятельств, сколько источник соблазна и губительница, как и полагается Лилит. Как мы помним, под этим именем, по представлениям древних иудеев, скрывается злой дух, являющийся в образе прекрасной женщины, насильно овладевающий мужчинами и увлекающий их в преисподнюю.

Однако и сам герой стихотворения гибнет прежде всего от собственных темных желаний, от соблазна изнутри, а не извне. Он покинул земное бытие, как непрямо дает понять Набоков, скорее всего из-за дуэли:

И вот теперь, в том самом фраке,
в котором был вчера убит,
с усмешкой хищною гуляки
я подошел к моей Лилит⁷.

Внутренняя природа героя созвучна тому демонскому призыву, который исходит от лукавой нимфы.

«Хищный гуляка» Свидригайлов ровно в полночь по мосту переходит от своих несостоявшихся лолит (девочки-невесты и юной посетительницы танцевального салона, которой он предлагает покровительство) в мир, где в номере гостиницы его обступают кошмары, рожденные совершенными им злодеяниями. В последнем видении встречает Аркадий Иванович свою Лилит. Эта примерно пятилетняя, вымокшая до нитки крошка, которую Свидригайлов старается обсушить и согреть, вдруг оборачивается развратной камелией. Ее разгоревшееся лицо манит, ее руки тянутся к герою. «Как! пятилетняя! – прошептал в настоящем ужасе Свидригайлов, – это ... что ж такое?»⁸

В отличие от Раскольниковца, Свидригайлов не находит в себе сил для воскресения. Он довершает в себе дело смерти – стреляется на глазах у странного маленького человечка с вековечной еврейской тоской в глазах и в пожарной каске на голове, из-за которой автор иронически на-



зывает его Ахиллесом. Неожиданная, на первый взгляд, античная деталь – напоминание о том, что Свидригайлов словно существует в дохристианском мире, где даже добрые побуждения человеческой природы не просвещены светом христовой истины.

У Набокова в стихотворении «Лилит» горделивое шествие фавнов и Пана превращается в торжество адской нечисти: «И козлоногий, рыжий народ всё множился». Трагедия Свидригайлова, отбывшего в Америку небытия, сложно превращается в трагедию лирического героя Набокова, чей обманчивый рай страшно мстит ему. В реальной Америке XX в. Набоков сводит воедино все сюжетные линии истории о соблазняющей и соблазненной девочке-нимфетке в романе «Лолита»

и поражает мир рассказом о рае, «небеса которого пылали адским пламенем».

Примечания

- ¹ Набоков В. Стихотворения и поэмы. М., 1991. С. 72.
- ² Там же.
- ³ Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 6. Л., 1973. С. 391.
- ⁴ Набоков В. Указ. соч. С. 251.
- ⁵ Шмелев И. Лето Господне // Шмелев И. Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 243.
- ⁶ Набоков В. Указ. соч. С. 251.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Достоевский Ф. Указ соч. С. 393.

Образец для цитирования:

Коневец С. Н. Кошмары Свидригайлова и ад героя В. Набокова (о трансформации одного сюжета) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 188–190. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-188-190.

Cite this article as:

Konevets S. N. Svidrigailov's Nightmares and the Inferno of V. Nabokov's Hero (on the Transformation of One Plot). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 188–190 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-188-190.
